

МЕРТВЫЕ ЗЕМЛИ ЭДЕСА

СОФЬЯ
ШИМАНСКАЯ

**LIKE
BOOK**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш61

Художественное оформление *А. Андреева*

Иллюстрации на форзацах и элементы верстки *Дариго Дейнега*

Иллюстрация на обложке *acramitch*

В оформлении авантитула использована иллюстрация:

© Morphart Creation / Shutterstock.com / FOTODOM

Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Нарративный редактор *М. Друян*

Шиманская, Софья.

Ш61 Мертвые земли Эдеса / Софья Шиманская. — Москва : Эксмо, 2026. — 480 с.

ISBN 978-5-04-212715-1

Сын предателя. Маг Старшей Ветви. Начинающий политик. Одинокий человек, пытающийся противостоять тьме. Много ликов у Луция Авитуса Эдерiona, и ни один из них ему не по душе.

Эдесу грозит большая опасность. Все чаще слышны сплетни про нападения варваров на дальние рубежи, целые легионы исчезают бесследно, пропадают маги Младшей Ветви. У Луция есть только один шанс остановить хаос, пробравшись сквозь сеть тайн и интриг тех, кого он считает своими соратниками.

И единственный, кто не смотрит на него враждебно, — это его новый раб, Орхо. Тот словно тень следует за ним, оберегает его и пытается оградить от вездесущего зла, что медленно загоняет их в свою ловушку.

Так ли важны богатство и чистота крови, если на кону жизни самых близких? Может ли сердце увидеть правду сквозь паутину лжи?

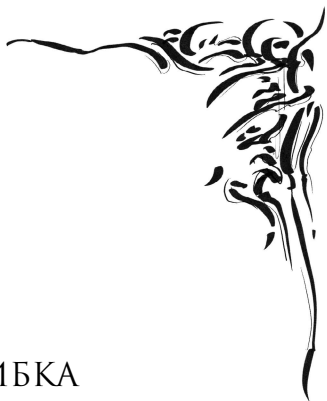
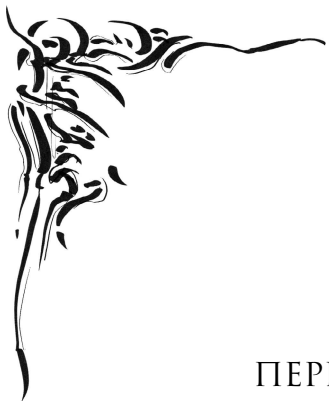
УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-212715-1

© Шиманская С., 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

1

ПЕРВАЯ ОШИБКА

Раб в Эдесе стоит в среднем пять сотен денариев. Северянина из кочевых племен можно взять дешевле — они грубы, непокорны и годятся для боев и тяжелого труда. А вот рабов из южных земель не отдают меньше чем за тысячу, их растят для работы изящной и деликатной. На Минервийском форуме или в ямах Нижнего города можно найти рабов из десятков разных народов. Только свобода граждан Республики не продается. По крайней мере, за деньги.

— Это твой подарок, — с порога объявил дядя так торжественно, что Луций едва не выронил гребень. Не то чтобы Луций был не рад его видеть, но он отвык от чужих голосов в своем доме. Да и Тиберий не имел привычки являться в покои племянника без предупреждения.

Рядом с дядей, чуть позади, стоял смуглый паренек с милым, почти девичьим лицом. Он поклонился. Тугие кудри упали на лицо, и он мягко отвел их рукой.

— Хозяин может звать меня Кастором, — у него был мелодичный, живой голос, — или дать мне имя, какое пожелает.

Луций Авитус Эдерион, молодой патриций, на мгновение растерялся. Он всегда был окружен рабами. В Эдесе их было так много, что граждане с детства учились смотреть как бы сквозь невзрачные серые фигуры, заполнявшие улицы. Без этой привычки они просто не увидели бы за ними города. Но рабы и были

городом. Такой же неотъемлемой его частью, как вездесущие фонтаны и раскидистые оливковые деревья. Рабы были сродни животным: неказистые использовались в хозяйстве, а симпатичных держали в доме в качестве слуг или домашних питомцев.

Луций привык к ним. Но личного раба у него до сих пор не было. На десять лет дядя подарил ему щенка. Луций не знал, как дрессировать собак, и просто игрался. За полгода щенок превратился в непослушное чудище размером с волка, которое пугало домашних. Луций сгорал от стыда, когда огромный пес восторженно приветствовал его старшего брата Публия, становясь лапами прямо на белоснежную тогу. Тот только смотрел на брата с укоризной, и в конце концов Луций отдал собаку.

— Раб обучен грамоте и законам. Превосходно владеет счетом, — дядя подтолкнул Кастора вперед, — поможет тебе в работе. Если этот не понравится, найдем нового. Личный раб, он как сандалии, может не подойти.

Тиберий хохотнул, довольный своей шуткой. Он выражал привязанность к племяннику, как умел. В его глазах искрилось нетерпение, и он едва не приплясывал на месте, наблюдая за реакцией Луция. Поведение дяди умилило Луция. Он склонил голову и улыбнулся.

— Это отличный подарок. Я буду беречь его.

— Ждем тебя за завтраком, — великий сновидец Эдеса Тиберий Авитус просиял, задорно похлопал себя по животу и удалился, напоследок деловито поправив на рабе мешковатую тунику, — наряди его, как считаешь нужным.

Луций остался наедине с рабом. Он оперся на полку под зеркалом и, прищурившись, стал изучать свою новую собственность. На вид парню было около шестнадцати. Холеный, без единого шрама от хлыста. Лишь на пальцах небольшие мозоли, скорее всего, от стилуса и струн кифары. В этот товар было вложено много сил. Дорогая игрушка.

Луций опустил в кресло перед зеркалом и протянул рабу гребень.

— Заплети мне волосы. Умеешь?

Кастор коротко поклонился. Прежде чем коснуться головы хозяина, он омыл руки в широком медном тазу.

Тонкие быстрые пальцы пахли лимонником и розовым маслом. Луций чуть морщился, когда Кастор натягивал волосы на виске, но молчал. Когда раб потянулся к другой стороне, Луций жестом остановил его, поднялся и придирчиво осмотрел себя в зеркале. Подумав, растрепал свободные волосы. Медовые пряди справа легли хаотичными вихрями. Достаточно аккуратно, чтобы соблюдать приличия, и в меру небрежно, чтобы никто не заподозрил его в излишнем старании.

Тогу Луций надевать не стал — перебор. Но горловую броню все-таки надел. Не серебро с созвездиями из дымчатого кварца Авитусов, а ту, что досталась ему в наследство от отца — легкий обруч с эмалевыми вставками василькового цвета и дерзко выющимся платиновым плющом. Оно тонкими хвостами печати выходило в небольшой клин, спускавшийся к ямочке между ключицами. Кичиться своим сомнительным происхождением в первый же день на должности легата — не самое мудрое решение, но очень уж хотелось позволить себе эту мелкую провокацию. Ему и без этого напомнят, кто он и где его место.

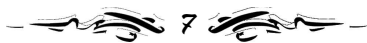
Усмехнувшись собственному ребячеству, Луций снова покоился на Кастора.

— Как твое настоящее имя?

В глазах парня блеснула легкая растерянность.

— У меня нет других имен, господин. Только имя моего хозяина, — он запнулся и опустил глаза, — бывшего хозяина. Я имею в виду...

— Работоторговца, да, — поторопил его Луций. Чуть жестче, чем следовало. Кастор отступил на шаг и поджал плечи в ожидании наказания. Может, хлыстом его и не били, чтобы не испортить товарный вид, но есть много способов привести раба к покорности. Луций вздохнул. — Хочешь взять другое?

— Господин может назвать меня, как пожелает.

— Я не... ай, ладно, — он отмахнулся, — пусть будет Кастор.

Луций уже опаздывал на завтрак, у него не было времени разбираться. Он жестом приказал рабу двигаться за ним.

В атриуме стояла благостная тишина. Он больше напоминал храм, чем место для семейного застолья. Дядя аппетитно причмокивал свежей сливой — кошунственное чревоугодие для такого места. Луций прошел между двумя статуями титанов, которые поддерживали сводчатый потолок, и привычно поежился под их суровыми взглядами.

Усевшись за длинный стол, он позволил Кастору наполнить свою чашу, подхватил с блюда вареное яйцо и принялся снимать скорлупу, украдкой наблюдая за двоюродным братом.

Публий Авитус задумчиво купал кусочек лепешки в оливковом масле. Льянные, почти серебристые волосы, бледная кожа, стальные глаза и белоснежная тога кандидата в консулы — он производил на Луция то же впечатление, что статуи титанов. Даже за столом Публий выглядел так, словно взвалил на себя все печали мира и нес это бремя со стоическим благородством мученика.

— Я так рад, что мой племянник сегодня начинает путь чести. Луций, я очень горжусь тобой! — Тиберий торжественно приподнял чашу с вином, заставив Луция смутиться, а Публия — вздрогнуть.

Брат отложил лепешку, поднял голову, рассеянно посмотрел на Луция и запоздало улыбнулся, словно только теперь его заметил.

— Поможешь мне разобраться с документами. Скучное дело для юноши, но скука — это первое, к чему тебе стоит привыкнуть на службе.

Луций коротко кивнул.

— Я хочу быть полезным.

— Не перегрузи мальчика в первый же день, — рассмеялся Тиберий, — а то сбежит на Рубежи делать военную карьеру.

Публий оставил свои думы и обратился к брату.

— Не жди от меня поблажек, Луций, — тихо сказал он, — к родственнику требования выше. Не попадай в неприятности — твоя репутация должна быть безупречной.

— Ты будешь направлять его, — Тиберий постучал ногтем по столу, глядя в глаза Публию, — парень талантливый, и у него отличная репутация.

Публий шумно вдохнул и на мгновение задержал дыхание.

Луцию захотелось спрятать лицо в ладонях. Он очень любил дядю. Тиберий был во всех смыслах замечательным человеком. Кроме отношений с собственным сыном.

— Он абсолютно прав, дядя, — быстро нашелся он, — ожидать поблажек было бы унижительно для меня.

— Разумный подход, — сухо ответил брат, — зайдешь ко мне в полдень. Отец. — Он поклонился Тиберию с исключительным сыновьим почтением и быстрым шагом покинул атриум.

Иногда Луций думал, что боги, забрав у него родителей, взамен подарили лучшего опекуна, какого можно было себе представить. Тиберий обожал племянника и ревностно оберегал его. Иногда даже чересчур. Так он чтит память своего лучшего друга — отца Луция, мужа его сестры.

Пару недель назад, аккурат на двадцатилетие, Луцию нанесли Третье Тавро. Сложное переплетение магических символов на спине, от шеи до поясницы, которое теперь сохраняло его молодость. Луций был прикован к постели несколько дней — свежие раны по всей спине нестерпимо горели, каждое движение причиняло боль. Пользуясь его беспомощностью, дядя каждый день проводил в его комнате и по несколько часов рассказывал истории из юности его отца. Сейчас, завидев знакомый блеск в глазах, Луций быстро проглотил пару лепешек с моретумом, подхватил со стола яблоко и поспешил откланяться.

Он очень любил дядю. Однако еще одного рассказа о северном посольстве он бы не вынес.

* * *

Луций бездумно брел по улице. Осень пахла переспелыми фруктами и влажной листвой, хризантемами и кипарисовой смолой, тающей под лучами все еще ласкового солнца. Патрицианские кварталы Эдеса нежились в ленивом сентябрьском тепле.

Кастор шел позади. На самом деле, это был отлично вышколенный раб. Он умел не обращать на себя внимания, ступал по мостовой бесшумно — и это в деревянной-то обуви. У Луция почти получилось забыть о его существовании. Только длинная тень раба бросалась в глаза, стоило Луцию взглянуть под ноги.

Они свернули с широкой аллеи в тенистый безлюдный проулок. Здесь, где кроны невысоких деревьев смыкались у них над головами, было немного уютнее.

— Откуда ты? — обратился он к Кастору.

Тот ответил с легким поклоном:

— Я родился в Котии, хозяин.

— И как там, в Котии?

— Жарче, чем здесь, — мелодичный голос тянул слова нараспев, — хозяин.

— Я имел в виду... а, неважно. — Луций отмахнулся и ускори́л шаг.

Глупо было надеяться, что мальчишка поддержит беседу. Его растили не для этого. Луций, прищурившись, глянул на солнце сквозь густую листву. До полудня еще оставалось время, но в курии, по крайней мере, можно было послушать свежие сплетни. Он двинулся в сторону форума.

На ступенях помпезной курии Юстиции, в тени выступающей крыши, толпа молодых патрициев вальяжно попивала разбавленное вино.

— Какими судьбами, Эдера? Оскверняешь священный дом правосудия? — осклабился один из парней. Остальные повернули головы по инерции.

Луция уже давно не задевало, когда его называли по фамилии отца, чтобы уязвить достоинство. Да, его отец вступил в предательский сговор с Великим Ханом. Изменник? Несомненно. Но прошло уже двадцать лет, а они так и не придумали ничего нового.

— Не твоего ли отца, Малтин, три месяца назад судили в этом самом здании за... за что, напомни? — Луций подарил помрачневшему юноше очаровательную улыбку. — Подделка вина?

Трий Малтин сжал зубы.

— По крайней мере, не за измену.

— Согласен с тобой, дружище. Мелкое мошенничество против большой политики, — Луций пожал плечами, — если сравнить цену этих преступлений, то наши с тобой отцы — монеты разного достоинства.

В толпе послышались смешки. Трий Малтин хотел было ответить, но понял, что может проиграть в этой словесной перепалке.

— Похоже, на выручку от продажи дрянного вина ты смог купить себе должность. С твоими талантами Республику ждет процветание. — Луций прошел мимо Малтина и прислонился плечом к колонне под одобрительные смешки. Обмен любезностями развеселил молодых господ, и общение продолжилось.

— Слышали про Амроза?

— Лекаря?

— Нет, он работал с гончарами, ставил тавро на вазы.

— Лысый. И что с ним?

— Тоже пропал.

— Куда пропал? Уехал? — встрял Луций.

На него уставились несколько удивленных пар глаз.

— А ты не слышал?

Луций оттянул ворот туники, под которым краснели свежие шрамы Третьего Тавро. Они все еще саднили так, что шевелить лопатками было больно. Тавро защищали от болезней, ран и старения — но платить за это приходилось неделями мучений.

— Не до того было.

— Пропадают Младшие маги. Марик, который лекарь, Мерида... чем он там занимался? А, объезжал поля. Не помню всех. Амроза — девятый из тех, кого мы знаем, — объяснил один из совсем юных патрициев, очевидно трущущийся возле курии Юстиции в ожидании свежих сплетен.

— Их ищут? — спросил Луций.

— Не особо, — паренек пожал плечами, — как их искать? Но не время сейчас терять магов, даже Младших.

Патриции постарше закивали и продолжили тянуть вино. Очевидно, эта новость была далеко не свежей.

Луций задумался. До магов Младшей Ветви Патрицианским кварталам обычно не было дела, но Младшие выполняли важную работу: лечили людей, благословляли поля, ставили тавро на товары, чтобы они не портились и не ломались, создавали оружие. Кроме того, на них держалась военная мощь Эдеса. Без боевых магов легионы простых солдат сгорали бы в пламени талорской Орды, как сухие поленья. Может, судьба каждого отдельного мага никого из Старшей Ветви не интересовала, а вот пропажа даже девятерых за месяц в эпоху нескончаемой войны могла стать проблемой.

Тень от крыши подползла к ногам Луция. Он лениво махнул болтунам, развернулся, чтобы войти в здание, и вздрогнул, нос к носу столкнувшись с Кастором, который все это время стоял у него за спиной. Тот проворно отскочил. Луций рассеянно выругался.

Плутая по прохладным коридорам курии, Луций размышлял о том, что никогда не привыкнет к этому тихому сопровождению. Он не умел игнорировать чье-то присутствие. То есть намеренно игнорировать, чтобы позлить или поставить на место — сколько угодно. Но он так и не научился смотреть на рабов как на предметы интерьера.

Вместо Публия в кабинете их встретил его измученный секретарь. Он выдал Луцию ворох документов — нес их, конечно же, Кастор. Согласно скупой на подробности записке от брата, ему следовало доказать вину магистрата из дальней провин-

ции, обвиненного в воровстве. Луций уныло осмотрел увесистую стопку пергаментных листов. Он ждал этого дня — первого в должности помощника претора. Он устал от праздной жизни и жаждал интересной работы. Но его первое дело — подсчеты, да и те предназначались Кастору. Не отнимать же, в самом деле, работу у раба.

— Ты хотя бы знаешь, что с этим делать? — как можно мягче, но все же сердито спросил Луций, указав на бумаги.

— Да, хозяин, — Кастор кивнул, — я считал деньги для своего прошлого господина. Я даже... — он замялся, — я смел предложить ему новый способ расчета стоимости рабов. Он его использовал и увеличил прибыль.

Луций вскинул бровь и склонил голову набок. Этот кроткий паренек осмелился что-то предложить хозяину?

— Расскажи.

Кастор рассказал. Сначала он часто сбивался, но с каждым словом все больше набирался уверенности. В один момент он и вовсе потерял контроль, и в его речи блеснул вдруг острый котийский акцент. Луций мягко прервал его.

— Любишь цифры?

Парень настороженно кивнул.

— Впредь, когда мы будем одни, постарайся говорить со мной так, как только что рассказывал о счетах.

Они вернулись домой, а солнце едва успело достичь зенита. В особняке Авитусов Луций занимал отдельное небольшое здание. Небольшое и уютное, оно соединялось с помещьем лишь одной дверью, и сюда почти никто никогда не совался. Всего одна просторная комната, отделанная темным деревом и устланная мягкими сизыми коврами, служила ему и спальней, и кабинетом.

Кастор занялся работой, присев на пол у ширмы, отделяющей небольшой закуток для прислуги. Он раскатал свитки на деревянной доске, которую положил на колени, и погрузился в работу, беззвучно бормоча что-то себе под нос.

Луций вздохнул. Первый день взрослой жизни, как выяснилось, почти ничем не отличался от последнего дня юношеской. Поплевав в потолок, он отыскал свой коготь. Еще одна вещица, доставшаяся в наследство от отца. Полюбовавшись платиновым блеском острого кончика, Луций сконцентрировался и начертил в воздухе тонкий золотистый символ.

Не знаешь, чем заняться — займись магией.

Он обрабатывал Печать Боли. Коготь взрезал воздух, оставляя золотистые знаки Искусного письма. Ни один из них не повторялся. Они не были похожи ни на буквы, ни на картины, в них не было орнаментальной симметрии. Часть символов Луций помнил, другую достраивал интуитивно, изредка сверяясь с манускриптом.

Печать зависла в воздухе золотой взвесью. Он вздохнул, достал небольшой глиняный черепок и щелчком поместил тавро на него. В углу стола таких черепков скопилась уже приличная горка, но Луций не имел ни малейшего понятия, работает ли хоть одна из печатей, что он начертил на них. Он был хорошим магом. Одним из лучших, без ложной скромности. Но сложно практиковать заклинание, не применяя его. Другие печати он тренировал на друзьях или дядиных рабах, но практиковать на ком-то Боль было... противно.

К вечеру горка увеличилась почти вдвое. Он наловчился расчерчивать орнамент меньше чем за минуту. Тоскливо осмотрев результаты своей работы, Луций сгреб черепки в поясной мешочек и окликнул Кастора. Сегодня вечером Луций договорился выпить с друзьями. Раба можно было и не брать с собой, но хотелось похвастаться обновкой.

* * *

Публий как-то сказал, что тишина — это роскошь. А Публий Авитус был истинным сыном Эдеса. Тишиной могли наслаждаться только богатые Патрицианские кварталы. На улицах же Верхнего города всегда было оживленно и шумно: крики торговцев

мешались с грохотом телег и бравадами уличных артистов. Луцию это было по душе.

Жить здесь и просыпаться в гнилой вони от визгов дешевых шлюх ему, разумеется, не хотелось, но и трапезы под монотонное брэнчание кифары и чтение стихов казались тоскливыми до омерзения. Поэтому встречаться с друзьями Луций любил в мелких тавернах на границе Средних улиц. Там, где пахло дешевым вином и бобами, тушенными в прогорклом жиру, где звучали нестройные, но душевные песни и никому не было дела до его фамилии.

На этот раз его выбор пал на средней паршивости заведение, в котором пропивали доход местные торговцы. Марк уже был на месте, и Луций задержался на входе, чтобы поглазеть на внушительную фигуру друга издалека. Высокий, с широкой спиной и стальной выправкой, Марк Центо в своем педантично вычищенном алом военном сагуме выпирал, как торчащая из пола доска. Хмурое лицо Марка разгладилось, едва его глаза нашли в толпе Луция.

— Салве, красавчик, — бодро поприветствовал друга Луций.

Марк протянул ему вино и рассеянно посмотрел на Кастора, который прятался за спиной хозяина.

— Мой. — Луций взял раба за подбородок и продемонстрировал юное лицо Марку в фас и в профиль. — Дядя подарил, — сказал он, а затем обратился к рабу: — Найди-ка нам пару кувшинов.

Тот мгновенно испарился.

— Зачем ты взял раба? — Марк поднял бровь.

— Чтобы похвастаться. Правда милый? — Он рассмеялся, усаживаясь напротив. — Уже слышал о пропаже магов Младшей Ветви?

— Слышал, — Марк хмуро кивнул, — не понимаю, почему никто ничего с этим не делает. На северо-западе ордынцы опять погрызли несколько когорт. Они не дураки и целятся в магов во время налетов.

— Вряд ли талорцы обнаглели настолько, чтобы похищать магов в Эдесе, — задумчиво протянул Луций. Он подхватил чашу Марка и залпом допил остатки вина. — Кстати, где Арвина?